

УДК 801.6/.83

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188

**«... ЧЬЯ МУЗА ДО КОНЦА ДОБРУ И КРАСОТЕ НЕ ИЗМЕНЯЛА»
(ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Е.Н. КОЛОКОЛЬЦЕВА)****Никитин О.В.***Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация***“...WHOSE MUSE SERVED THE GOOD AND THE BEAUTY TILL THE END?”
(PROFESSOR E. KOLOKOLTSEV'S ANNIVERSARY)****Nikitin O.V.***Moscow State Region University,
10A ulitsa Radio, Moscow 105005, Russian Federation*

*Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремление к идеалу...*

А.Н. Плещеев

Имя Евгения Николаевича Колокольцева – человека Божьего обаяния, большого и скромного филолога, искусствоведа, философа и методиста, уже стало историей. Он – Учитель поколений отечественных словесников. Чуткий знаток живописи и литературной классики, наш коллега открыл для читателей потаённый мир художественного творчества, высоких духовных идеалов Рафаэля и Рембранта, Андрея Рублёва и Дионисия, Боровиковского и Врубеля, Пушкина и Толстого, Лермонтова и Некрасова, Гумилёва и Брюсова. Кажется, его перу подвластны все интонации и стили «изографов», поэтов и писателей – создателей и охранителей филологии духа. Эту науку Е.Н. Колокольцев всегда понимает по-своему. Он не стоит в оппо-

© СС ВУ Никитин О.В., 2018.

зиции к существующим методикам и не пытается изобрести модное направление, а просто живёт этим искусством как вдохновенный просветитель и настоящий любомудр, которому для счастья не требуется ни лгать себе, ни тешить себя сказками, ни даже надеяться на везение. Он наделён какой-то глубинной житейской истиной, имеющей божественное происхождение. Но представить его в облике традиционного мудреца – человека преклонного возраста с седыми волосами и бородой, убаюкивающего нудными наставлениями, – нельзя. А всё потому, что Евгений Николаевич совершает свой каждодневный педагогический подвиг очень незаметно, находясь «внутри мыслящих миров» и воспаряя над тленом обыденности со своими выстраданными ценностями. Спокойно, без надрыва и поучений, он вживляет их в души своих учеников, приоткрывает дверцу в намоленную мастерскую филологии, где звучит ладное пение, воздаётся хвала Господу и низко кланяются всем подвижникам словесного искусства, широко крестясь, то и дело поднимая глаза к небу. Там и он ищет истину, которую невозможно проверить – она просто существует, парит в залах Третьяковки или Пушкинского музея, подглядывает за посетителями, направляет их робкие шаги по пути настоящего творчества.

В филологическом искусстве Е.Н. Колокольцева гармонично пребывают и пресловутые «стандарты», и свободолюбивые стихии, и академическая наука. В нём живёт божественное начало почти детской любви к слову как прозрению, будто кто-то свыше движет им, касаясь тонкой линией небесной радуги удивительного дара

Мастера видеть исторические картины русской культуры в классических текстах. Они словно оживают под его талантливым самобытным пером и начинают светиться... А древний «Музеон» из прошлого летописной поступью незаметно переходит в настоящее и здесь творит неведомые чудеса.

Любая книга Е.Н. Колокольцева, особенно учебник, изумляет с первого же взгляда, с начальных строк не только глубоким, продуманным текстом и уважительным отношением к маленькому читателю, но и своей «сценографией» – репродукциями картин, акварелей и живописными сюжетами совсем разных жанров: пейзажа, индивидуального и группового портретов... В его работах представлены эскизы декораций, политический плакат, графика и скульптура. Высокий смысл придаёт автор русской иконе, несущей в символике своих образов Господний лик и земные «фотографии» жизни Богоматери. Е.Н. Колокольцев начинает незабываемое путешествие по «добротворивой» словесности вместе со школьниками с первых веков православной культуры на Руси до полотна второй половины XX в. От славянских духовных мотивов, получивших философский смысл в произведениях русских классиков, до реализма, импрессионизма, модернизма, примитивизма и сюрреализма – таков временной диапазон языка живописи на уроках словесности Е.Н. Колокольцева. Мимо этого созвездия красок невозможно пройти просто так...

Русский язык и словесная культура соединяются в книгах учёного в единый замысел, в идеал, а порой и в эстетический ребус, и в увлекательное задание, которое не тянет за душу – за

него хочется ухватиться обеими руками, впитывать все тайны изобразительных фантазий художников и забыть с таким учебником всё на свете.

Несколько подобных книг Мастера лежало на моём столе, и мне невольно на память пришли дидактические пособия педагогов и гуманистов прошлого. Один из них, великий Я.А. Коменский, в 1658 г. создал первый иллюстрированный учебник «Мир чувственных вещей в картинках». И у нас, на Руси, очарованный словом Иван Фёдоров издаёт «Азбуку» (1574), появляются удивительный по красоте и замыслу «Букварь» (1694) Кариона Истомина, «Краткий российский летописец с родословием» (1760) М.В. Ломоносова, «Родное слово» (1864) К.Д. Ушинского – какие высокие образцы учебной книжности, любви к пытливым умам всезнаек-«пайдес» и увлекательной литературе и истории сотворили наши учителя! Это искусство корнями уходило в эпоху Возрождения, служило надёжным подспорьем в педагогическом ремесле, призывало к свободе мысли и душевного выражения, нежно воспитывало личность своим «зрением»... Шли времена, многое менялось: безжалостно вмешивалась идеология в творчество, возникла и давила нас «коммунистическая нравственность», а затем и вовсе мы чуть было не потерялись в начале 1990-х, забыв о главном предназначении такого труда. Учебник – не конструктор и не «полицейские правила», как писал ещё Ф.И. Буслаев, а живая книга, проникающая в самое сердце человека, вразумляющая его. Она «будит стремленье к идеалу...».

Серия учебников Е.Н. Колокольцева под названием «Развитие речи: Русский язык. Русская словесность.

Литература: произведения изобразительного искусства» для 8–9 (М., 2007) и 10–11 (М., 2005) классов и другие руководства, где пространство и время без расстояний уносят своих читателей к тайнам словесных «аполлонов», и есть «мир чувственных вещей», настоящее искусство художественного слова. Здесь и эпос, и лирика, и драма – одно необъятное море живописи литературы. А её кормчий, Е.Н. Колокольцев, надёжно стоит у руля и правит этим штурвалом уже полвека. Работа рулевого непроста: здесь надо быть и специалистом в навигации, в выборе пути, знать все ветра и течения, глубины и мели – быть Мастером и отвечать за могучий корабль.

Не случайно лейтмотивом одного из учебников стали слова замечательного стихотворения Н.А. Заболоцкого:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано,
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно. <...>*

Перед взором восторженных читателей проплывают подлинные шедевры минувших веков. Икона Божией Матери «Владимирская»... Её незримая сила до сих пор оберегает нас от погибели – врагов поганых, нечисти, духовной скверны и нашествия бесов. Это – первообраз Богоматери. «К Владимирской иконе всегда относились с трепетом и почтением, – пишет Е.Н. Колокольцев, – просили у неё помощи и совета. Её стали называть покровительницей Руси. “Богоматерь Владимирская” является нетленным образцом икон, которые получили название “Умиление” (с греческого – *милолюбивая*). Мать и Христос-младенец,

соприкасаясь щеками, являют всему миру взаимную нежность, трогательную заботу друг о друге». К описанию её небесного образа Евгений Николаевич подошёл с каким-то потаённым откровением, исповедальностью и в то же время с исторической достоверностью: «В несколько условных чертах лица Богоматери безвестный художник передал полную благородства и сдержанности человеческую скорбь Марии, которая провидит будущее Сына – смерть на кресте. Её тёмные продолговатые глаза полны глубокой печали. Ласково смотрит на Деву Марию Сын, словно безмолвно утешает её. В Евангелии о Деве Марии, которая в трагический день смерти Сына была рядом с ним, сказано совсем немного. ... Но икона – это образ Идеи, и зритель вовсе не ищет сходства апокрифического “портрета” с изображением Божией Матери на иконе, где Она предстаёт воплощением одухотворённости и страдания, благородства и святости, кротости и нежности. По глубине художественной выразительности и строгой красоте икона не имеет себе равных».

Затем следуют вопросы и задания ученикам, в которых выражены и чувства самого автора, будто он впервые разгадывает лик и старается проникнуть в скрытый смысл цветописы: «золотой ... обозначал самого Бога, красный, – цвет любви и жизни, белый – символ чистоты и святости, синий – вечного мира, зелёный – надежды и обновления, коричневый – цвет всего временного и тленного, чёрный – зла и смерти». Мастер поясняет: «В иконах краски создавали *говорящий* (курсив наш. – О. Н.) образ». И наконец, просит поразмышлять: «Исполь-

зую имена прилагательные, выразительные средства языка, покажите, как колорит помогает раскрыть символику произведения».

Рассказывая далее о канонах в изображении Богоматери: Одигитрия, Оранта, Знамение, – Е.Н. Колокольцев медленно, очень аккуратно, почти с придыханием обращается к своим ученикам: «Вчитайтесь в названия типов икон, воссоздающих образ Богоматери. С какими из них вы встретились впервые? Как в этих названиях передано отношение людей к Деве Марии?».

«Спас Нерукотворный» Симона Ушакова... Легенда и быль... Царь Аваргарь и чудесный лик Христа... Слова Е.Н. Колокольцева как бы продолжают вместе с нами рассматривать икону: «Изображая Христа, живописец следовал христианским преданиям, в которых Спаситель предстал человеком величавым, средних лет, с длинными волосами и небольшой бородой. Сохраняя элементы иконописной условности, художник стремился к реалистической трактовке лица: он правильно передаёт строение глаз, заставляет зрителя почувствовать теплоту щёк, мягкость волос изображённого. Лицо Иисуса Христа, согласно канону, выражает страдание и понимание. Его мудрый и печальный взор проникает в самую душу». Евгений Николаевич доносит до своих учеников главное: икона – это язык символов, а значит, высшее искусство.

В удивительных альбомах-учебниках Е.Н. Колокольцева есть немало и других жизненных образов – новых и знакомых нам с детства. Вот он представляет самобытного живописца XIX в. Н.А. Ярошенко, почти с натурализмом изображавшего городской быт:

одиноким бездомным людей («Невский проспект ночью»), духовный разрыв поколений и псевдопафос революционных идей («Студент», «Курсистка»). Психологические портреты художника реалистичны и содержат какую-то чуткость души их автора, готовность служить идеалам и... внутреннюю замкнутость. Это образ-олицетворение целого поколения. Евгений Николаевич описывает самые мелкие детали портрета: волосы студента, цвет сюртука, шляпа... Он передаёт умонастроение молодёжи тех лет, их интеллектуальные порывы и желание противопоставить себя закоснелым порядкам. «Не случайно полотно вызывает литературные ассоциации», – философствует Е.Н. Колокольцев. И тут же спрашивает своих питомцев: «С какими литературными персонажами вы готовы соединить героя полотна и почему?», «К какому типу речи можно отнести помещённый выше текст о художнике Ярошенко и его картинах (описание, повествование, рассуждение, смешанный тип изложения)? Докажите свою точку зрения».

А дальше целая плеяда великих художников, иллюстрировавших роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Е.Н. Колокольцев погружает своих учеников в святая святых искусства – рассказывает о том, как оно творится. Мы читаем переписку Льва Николаевича с мастером книжного рисунка М.С. Башиловым: «*Нельзя ли смягчить, убавив карикатурности и прибавив нежности и доброты?*» В другом фрагменте: «*Старый князь очень хорош... Это именно то, что я желал...*» Или такой отклик Л.Н. Толстого: «*Портрет князя Василья – прелесть...*» А заключительная ремарка писателя призывает и новое

поколение XXI в. войти в сокровенный мир искусства: «*Пересмотрел все рисунки и не мог оторваться от них*».

Плавно переходя в XX в., учёный знакомит школьников с кубической манерой живописи – угловатостью, готическими складками, чеканностью линий, статичностью силуэта. Такова Анна Ахматова в изображении художника Н.И. Альтмана – «печальная красавица, казавшаяся скромной отшельницей, наряженной в модное платье светской прелестницы!», – сказал о ней Ю.П. Анненков. «И эта чарующая грусть, – продолжал он в книге «Дневник моих встреч», – делала её лицо особенно красивым. Всякий раз, когда я видел её, слушал её чтение или разговаривал с нею, я не мог оторваться от её лица: глаза, губы, вся её стройность были символами поэзии». Дыхание образа А.А. Ахматовой передаётся и читателям, а Е.Н. Колокольцев снова призывает слушать звукопись её слога: «Сопоставьте стихотворение А. Ахматовой “На шее мелких чётков ряд...” с изображением поэтессы на полотне художника Н. Альтмана. Какие строки стихотворения “оживляют” портрет, наиболее созвучны ему? В чём близко портрету и воспоминаниям о поэтессе стихотворение А.А. Блока “Анне Ахматовой” (1914)? Что добавляет к вашему пониманию портрета слова самой поэтессы: “Как в зеркало глядела я тревожно на серый холст, и с каждой неделей все горше и страннее было сходство моё с моим изображеньем новым”?»

В другом учебнике снова возникает... таинство, когда Е.Н. Колокольцев рассказывает о картине М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» – живописном образе Сергея Радо-

нежского. Здесь он отрок, совсем ещё ребёнок, ищет пропавших жеребят и встречается под деревом молившегося старца. Тот его благословил и спросил, чего он хочет. «Варфоломей, – пишет далее Е.Н. Колокольцев, – отвечал, что более всего он хотел бы получить разум к учению». Пересказывая известный сюжет «Жития Сергия Радонежского», написанного Епифанием Премудрым, автор книги описывает будущее призвание отрока. И живые картины святого пути проповедника и защитника Земли Русской сразу воскресают из небытия другой жизни: «В пугающей бледности лица и исхудалой фигурке мальчика, погружённого в созерцание, чутко, выразительно передано состояние тихого душевного ожидания, предчувствие неведомого и непостижимого. С просветлённым чувством устремил мальчик свой взгляд на таинственную фигуру монаха с чудесным сиянием вокруг головы. Старец бережно держит в своих руках дароносицу..., которая в картине предвещает будущее преображение отрока. Трепетом внутренней жизни наделён в картине и мир природы. Тонкие полевые стебли, цветы, юные деревца в своём порывистом ритме как бы соединяются с настроением участников события, усиливают их эмоциональную характеристику».

Как замечательно, ясно и высоко – промыслительно – говорит об этом Е.Н. Колокольцев! Сколько в его словах истинности, непритворного видения, ожившей под небесным обликом Христа земной стихии и человеческой души!

Какую бы книгу Е.Н. Колокольцева мы ни взяли, она – живая! Вот перед нами пособие для учащихся

«А.С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» (М., 1999). Казалось бы, чего мы не знаем о великом поэте? Чем может нас покорить автор? Сердечным проникновением в душу творца, в «физиологию» его текстов, которые, по мнению Е.Н. Колокольцева, невозможно понять, лишь заучив четверостишие. Их надо увидеть в несбыточно-дальней заре, услышать в лесной пестроте птичьих трелей, почувствовать сверканье белоснежной мечты и в конце концов стать поэтом – осязать «волшебство воздушных пятен» и разрывать власть вещей с «её триадой измерений».

Евгений Николаевич всегда готов помочь погрузиться в художественно-биографическое пространство Пушкина и свято верит, что изобразительное искусство – тот самый фантастический инструмент, который выпускает любого в загадочный мир поэзии неземных струн. Восторги, страсти, муки – всё, что звучит в бессмертных стихах неугасающих лучей русского гения. Оно связывает былые времена, историю с современностью и создаёт эффект «вечно живущего», по В.Г. Белинскому, явления. Особенно ценны портреты Пушкина, выражающие глубокий внутренний мир – «миг чудесный».

Филологически красивы такие вроде бы очевидные и мудрые признания Е.Н. Колокольцева: «В изобразительном искусстве портрет – всегда диалог художника и его модели. Портретист стремится передать на холсте не только индивидуальный облик человека, но и его внутренний мир, его чувства и мысли. В чертах внешнего облика невольно угадывается то, что сокрыто в тайниках души, что заставляет вос-

принимать портрет как характеристику, как биографию».

Перелистывая работы учёного, опубликованные в журнале «Литература в школе» – наверное, единственным сейчас оплоте традиционного просветительства и преданном наставнике учителей-словесников, поражаешься тому, насколько методически точно, просто в своём изяществе, по-научному доступно и филологически безукоризненно написаны его статьи. Они разные: от анализа былины «Вольга и Микула Селянинович» до идеографической поэзии Бродского, но тема Пушкина в них основная. Здесь почтенный автор ищет и находит истоки пейзажной лирики, которая так созвучна миру цветов и звуков, эмоций и очеловеченных движений. Такие стихи, по мнению Е.Н. Колокольцева, призывают к чуткости слова, создают оригинальные образы-картины – грустные, светлые, бодрящие. Их надо уметь, как размышляет учёный, читать «про себя», с паузами разной длительности, наблюдая за звукописью стихотворения. Тогда в тягучих у пушкинской «Зимней дороги» – *загляжусь, круг, докучных, лунный* – мы почувствуем не простой вокализм, случайность, а сознательную настойчивость поэта показать свои душевные переживания – печали и тревоги. Е.Н. Колокольцев очень медленно, тактично следует за «вихрем строф» Пушкина, сочетает в своих наблюдениях определённую закономерность языковых деталей и высокую живописность в изображении родной природы. Она есть гармония духа на земле...

Художественное совершенство Пушкина побуждает Мастера открывать ученикам талант гения с разных

сторон. Исторические «зарисовки» поэта – его подступы к летописи родной страны, погружение в «холм крутой», походы Олега на Царьград – не просто «картинки», а целая эпопея. Е.Н. Колокольцев, разбирая композицию этого произведения, отмечает самые глубокие эпизоды: отношение князя Олега к своему коню, путь героя, разговор с волхвом. Он обращает внимание школьников на эпитет *вещий*, то есть «мудрый», которым называют Олега – защитника Родины. В предсказании кудесника слышится близкая для Пушкина тема неизбежности судьбы. Вспоминаются страницы из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Синтаксис и ритмика поднимают читателей к правде и свободе.

Анализ композиции пушкинской баллады «Песнь о вещем Олеге» сопровождают репродукции картин В.М. Васнецова «Тризна по Олегу», «Боян», воссоздающие былинные сюжеты ратных подвигов русского народа и позволяющие сегодняшним читателям увидеть и почувствовать дух веры и запечатлеть почти документальный эпос. Сила искусства вызывает к патриотизму, гордости за военные удаи князя Олега и воскрешает народные предания. История и вымысел, поэзия и миф сливаются на полотнах художника в единый замысел. Слова великого Пушкина вновь ожили и зазвучали вечными пророчествами кудесников...

Кто не знает хрестоматийного «Я вас любил...»! Но именно Е.Н. Колокольцев задумался над описанием эстетики звуков и рисунков этого стихотворения – «романа сердца», как называл его С.А. Фомичёв в книге «Поэ-

зия Пушкина. Творческая эволюция». Казалось бы, в этом восьмистишии нет ярких изобразительных деталей, но есть нравственная возвышенность и «необыкновенное искусство немногими чертами обозначить весь предмет» (Н.В. Гоголь). «...простота языка, отсутствие тропов, по мысли Е.Н. Колокольцева, компенсируется... поразительно тонкой ритмико-интонационной, синтаксической и звуковой структурой...» Обращение ко времени, образ-переживание, любовь как символ благоговения – оттенки пушкинских строф говорят о духовном преображении, просветлённости, истинности чувств. Всё стихотворение удивительно гармонично. Это достигается, по мнению Е.Н. Колокольцева, в том числе и рифмующимися словами, которые, несмотря на их «будничность» (выражение Д.Д. Благого) – *может – тревожит, совсем – ничем*, выполняют «музыкальную задачу»: «Во всех нечётных рифмах сильно звучит звук “м” а во всех чётных рифмах – звук “ж”». В другом стихе «То робостью, то ревностью томим» трижды повторяется *то*, а звуковые повторы «*р, т, с* являют своего рода внутреннюю рифму». Учёный обращает внимание читателей на автографы этого стихотворения Пушкина с его стилистической правкой, а рисунки на полях наполняют художественное пространство образа «мемориями» и подлинными чувствами.

Мы не случайно так подробно остановились на «изобразительной Пушкиниане» в исполнении Е.Н. Колокольцева. В ней его большое сердце – сказочное, как герои поэмы «Руслан и Людмила», народно-поэтическое с «котом учёным» в призрачном лукоморье,

сопереживающее, как в «Капитанской дочке», с его высокой верой и любовью к подлинным открытиям, трепетное и нежное, как в «Евгении Онегине», озорное и по-мальчишески резвое, как первые стихи, по-христиански смиренное, задумчивое и бесконечно щедрое, как у Божьих избранников, идущих и в XXI в. неизведанными тропинками небесного света, озаряя им обычных путников – неугомонных учеников, наблюдательных студентов, строгих учителей и всех, кто прикасается к «медному всаднику» и бродит по набережной Невы вместе с творцом.

В книгах Е.Н. Колокольцева, богато и со вкусом украшенных картинками Кипренского, Васнецова, Репина, Айвазовского, Фаворского, Бенуа и других классических и современных русских и западноевропейских художников, мы словно преодолеваем угрозу небытия, берём в руки свой дивный карандаш и рисуем мысли поэта, дышим его образами, высоко поднимаем «хоругви» – священные знамена искусства – и играем словесными интонациями. Картины древнерусской живописи, эти нерукотворные ангелы и святые с мудрым и печальным взором несут в себе «вечно существующие» христианские предания, а непонятные слова *нимб, канон, икона оглавная, оплечная, поясная, в полный рост* незаметно входят в сознание ученика. Их хочется видеть и живописать.

Рядом, на других страницах учебников Е.Н. Колокольцева, Э. Мане с его красочным многоцветьем, хрустальным бокалом с розами – такой «призрачный» и «переменчивый». Он говорит «языком простым и точным». Евгений Николаевич показывает контраст полотна и окружающего мира,

размышляет о «случайных» деталях, о полифонии жанров натюрморта, портрета, интерьера, бытовой картины и просит всё это перенести в словесное описание полотна: «Сопоставьте “Портрет А.П. Струйской” Ф.С. Рокотова с пастельным рисунком Э. Моне “Сюзон, модель для “Бара в Фоли-Бержер”. Разные эпохи, несхожие натуры, неоднородные техники исполнения! Придумайте три-четыре сложноподчинённых предложения с союзами *не только..., но и...; как, будто, словно, чем, нежели* и др., основой которых являлось бы сопоставление этих двух портретов». Он раскрывает нам не просто образы художников, а говорит о мотиве зыбкости бытия, светлой печали и радости, о «преображении» второго плана, напряжённой драматической симфонии. А женский образ натурщицы, «его белокурая героиня, красивая и нежная, покоряет своим обаянием и одухотворённостью».

В личности Е.Н. Колокольцева много необычного. Он – философ «изнутри». Несуетный, как бы любующийся миром своих героев и помогающий им раскрыться в творческом воображении учеников такими вроде бы неприметными вопросами: «Какие черты духовного облика Пушкина нашли воплощение в портрете работы художника Тропинина, утверждавшего, что “портрет человека пишется для памяти ему близких людей, людей, его любящих”»?; «Какие детали поэтического описания места и времени действия нашли воплощение на иллюстрации»?; «Почему, отбирая материал для натюрморта, художник, несомненно исследовавший творчество поэта, отдал предпочтение именно рукописям «Евгения Онегина»?; «Какие страницы жизни

Пушкина связаны с Московской?»; «Почему художник запечатлел в “Пушкинской Москве” медаль-барельеф в память Отечественной войны 1812 года, выполненную известным скульптором Ф. Толстым, и значок с изображением Георгия Победоносца?»; «Какими мыслями и чувствами делится художник со зрителем?». Евгений Николаевич как будто следует за поэтом, наполняет его биографию оттенками реального быта, балами и маскарадами, лицами подлинных героев. Если Пушкин наделил их композицией, повествованием, конфликтами и звукописью, то Е.Н. Колокольцев создал галерею изобразительных рассказов о Пушкине. Его «очень милые стихи», «росчерки и наброски пером» в альбомах и учебниках Мастера преобразились и донесли сквозь пепел времени отголоски противоречивого XIX в. и трепет человеческих отношений. И в этом искусстве Е.Н. Колокольцева нет ничего назидательного. Евгений Николаевич – это читатель-друг: он «думает только о том, что ему говорит поэт, становится как бы написавшим данное стихотворение, напоминает его интонациями, движениями. Он переживает творческий миг во всей его сложности и остроте...»

Е.Н. Колокольцев – философ в том смысле, что изобразительное искусство для него есть обращение к мудрости духа, способность познавать «интимы грамматики», проникать в мировоззрение писателя или поэта, обретать вместе с ним разум. Эта философия, как бы она ни была сложна для школьников, в творчестве Евгения Николаевича получает оригинальное воплощение и сочетается со всем внутренним портретом произведения.

И старый, хрестоматийный текст, по выражению Н.В. Гоголя, превращается в «бездну пространства». Здесь даже «терпенья изумляющий народ» в эпиграфе Н.А. Некрасова к «Железной дороге» – некая сценка, задающая интонационный рисунок стихотворению, разгадать который может лишь мыслитель Александрийской школы. Пусть он живёт в другом времени, у него своя графика, но и непередаваемая палитра словесных красок. Открыть их школьнику, помочь ему научиться мыслить живописью звуков и слов – формулировать речь и вплетать её в культурную символику текста – это и есть настоящая философия педагогики, высшее искусство.

Он – поэт и всегда чувствует природу образа – те самые «романтические цветы», которые и тонки, и изысканны, и наполнены «запахом немислимых трав». Его лирический слух чуток, он «дрожит» над каждой рифмой, проникает в совершенство непознанного мира творчества и оттуда поёт свои баллады о любви и мечтает о новой литературной сказке. Он всегда стремится к идеалу... Евгений Николаевич и искусство – это «обнявшиеся близнецы».

В нём есть что-то и от билибинских героев – тот зримый портрет, который приближает иное пространство и время, и краски событийности сливаются с живыми голосами портрета. Они начинают творить свою историю... Для него *литература* – эстетика слова, воплощённая в любой гармоничной художественной форме – в живописи, графике, скульптуре, но обязательно «со стилистическим единством иллюстраций, шрифта и всех элементов оформления». И лермонтовские кня-

зья, стольники, опричники в «Песне про царя Ивана Васильевича...» – «народ русский» – превращаются в осязаемую пластику, обрастают архитектурными деталями, заставками, характерами. Вот виднеются купола заснеженного храма Василия Блаженного, боярин сурово зачитывает царский указ... И расходится сюжетная ткань – возникает бархатное слово, а неожиданный рисунок вновь остановит внимание читателя. Он уже мыслит образами. А Евгений Николаевич с христианским смирением и восторгом, не уловимым для остальных, любит этим чудом прозрения: кто-то впервые открыл язык художника, смог перевести искусство слова в изобразительное «кино» и приобщился к удивительному миру «библей». А он счастлив!

«Обычная» повесть Л.Н. Толстого «Детство» – первое печатное произведение писателя, появившееся в некрасовском «Современнике» в 1852 году, – у Е.Н. Колокольцева предстаёт как эпопея литературных картин, сюжетов и реальных жизней. Он рассказывает не просто историю имени. Это – «роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен...». К раскрытию фабулы Евгений Николаевич готовится основательно: листает дневники писателя, воспоминания его современников, читает Руссо и Диккенса, классиков-литературоведов и, конечно же, художественные миры книги, без которых он не представляет себе образ героя. Проникнуть в его индивидуальность, в движени духа, манеру, увидеть «мою душечку» Николеньку – создать прекрасно-поэтический образ матери, увлечь учеников сентиментальными путешествиями, встреча-

ми, проверить их восприятие – этому могут научить портреты художников. Особенно хорош Ф.С. Рокотов – гений русского Просвещения. Вот как пишет о нём Е.Н. Колокольцев, когда вводит историческую «парсуну» живописца на уроке в VII классе: «В портрете кисти Ф.С. Рокотова привлекает ласковое лицо молодой женщины с устремлённым на зрителя мягким взглядом и тенью улыбки, которая прячется в уголках губ». А рядом полотна О.А. Кипренского и К.Е. Маковского, они отмечены «лирической проникновенностью, поэтической духовностью...» Их изучение на уроке по литературе, по мнению Е.Н. Колокольцева, «в сопряжении с художественным текстом разбудит творческую фантазию школьников и обогатит их представления о герое литературного произведения». Каждая часть главы, абзац, небольшой, но значимый для художественного пространства текста эпизод обыгрывается Мастером как словотворцем: вот «шумный смех» сменился молчанием, а здесь холодная погружённость в свой мир; на других иллюстрациях – мальчишеский кураж, вроде бы смешно и весело, но стоит задуматься, и несчастный Иленька вызывает тревогу и боль, а его «гонители» – осуждение. Всё это передаётся подыскиванием невидимых слов, вхождением в образ.

Е.Н. Колокольцев – знатный книголюб и книгочей. Он обладает уникальным даром видеть не только портрет – обложку, а всегда изучает её как живописец. Эта мозаика видна лишь Мастеру. В ней всё имеет смысл: и цветовая гамма, и росчерк застывшего пера, и переплёт, и формат, и вес. Свойства настоящей книги для него – неотъемлемая часть педагогики, если

угодно, авторский воспитательный приём, которому он приучает своих студентов на лекциях. Евгений Николаевич приобщает их к прекрасному искусству, позволяет дотронуться до сокровищницы духа. Да-да! Книга пахнет! Её аромат не сравним ни с чем. Он немного пряный, чуть сладковатый, иногда едкий от пыли, с отпечатками чужих пальцев – это тоже история. Книжки дышат стариной и притягивают своей магией времени. Каждая уникальна! Потому на занятия Евгений Николаевич часто приносит то альбомы с иллюстрациями, то редкие издания военных лет, то совсем древние фолианты, которых чуть ли не касалась рука Пушкина. Это целое чудодействие! А сколько здесь романтики и необъяснимой силы искусства, которая манит любого, необязательно филолога, к ней надо только прикоснуться. И этот обет Е.Н. Колокольцев совершает как молитвенное призывание. Он всю жизнь находится на учительской службе и взывает к Высшему. А книга для него – своеобразный проводник в художественный мир, тайна, без которой невозможна полноценная биография. Это – живое существо, оно имеет свою душу. Евгений Николаевич с каким-то сокровенным трепетом, будто священник, склоняется над книгой и произносит свои молитвы. Его словесный патерик горит вдохновением и святой верой в волшебный звук и сказочный «синематограф» – шелест страниц и калейдоскоп картинок, открывающихся, как в детстве, в книжках-раскладушках.

Евгений Николаевич – не просто наш Учитель. Он – творец! Он – неуловимый странник в мире искусства, кочующий по своим мирам и обрета-

ющий покой только тогда, когда «колокольчик среброзвонный» тихо поёт сердцу, не дразнит и не цепляется за душу вдохновенного искателя и живого свидетеля века русской литературы. Пусть он длится как можно дольше.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: ov.nikitin@mgou.ru; olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: ov.nikitin@mgou.ru; olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О.В. «...чья муза до конца добру и красоте не изменяла» (юбилей профессора Е.Н. Колокольцева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 177–188
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188

FOR CITATION

Nikitin O.V. “... Whose muse served the good and the beauty till the end?” (Professor E. Kolokoltsev’s anniversary). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 177–188
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-177-188